
«ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ» РОМАНА Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ОТТЕПЕЛИ

Е.П. Мельничук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена истории изучения романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» с момента его появления за рубежом в 1957 г. и до его выхода в свет в 1988 г. в СССР. Публикация романа в Италии в 1950-е гг. вызвала острые литературоведческие и политические споры на страницах западной и советской прессы. Исследование показало, что советская критика 1950-х гг. стремилась не оценить художественное достоинство романа «Доктор Живаго», а обличить неверные идеологические установки, в то время как иностранная пресса, более свободная от идеологии, стремилась объективно оценить роман, проникнуть в его суть. Благодаря живому интересу многих западных интеллектуалов к творчеству Пастернака были подняты еще в хрущевское время важнейшие проблемы: индивидуализма и «советскости» Пастернака, тема интеллектуальной свободы, вопрос правомерности политической оценки романа Пастернака и другие темы. Публикация романа в 1980-е гг. в СССР открыла новый этап обсуждения романа на страницах советской прессы. В статье рассматриваются первые попытки анализа «Доктора Живаго» в Советском Союзе, не отягченные идеологическими установками.

Ключевые слова: Пастернак, Доктор Живаго, хрущевская оттепель, Нобелевская премия, дело Пастернака, критика, символистский роман

В истории отечественной литературы периода оттепели, рамки которой принято обозначать временем пребывания у власти Н.С. Хрущева (1953—1964), нет ни одного литературного события, которое получило бы такой резонанс во всем мире, как издание романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» за рубежом и присуждение ему Нобелевской премии. Развернувшаяся политическая кампания, направленная против писателя и его произведения, на 30 лет отсрочила публикацию романа в СССР и его свободное обсуждение среди читателей и критиков в Советском Союзе. Б.Л. Пастернак никогда не сожалел о том, что он передал рукопись за границу для публикации, несмотря на тяжелые для него последствия. Напротив, он был признателен издателю Дж. Фельтринелли за публикацию романа, несмотря на чинимые представителями советской власти препятствия: «Как я счастлив, что ни Вы, ни Галимар, ни Коллинз не дали себя обмануть этими идиотскими и грубыми требованиями с моими подписями, ложными и почти поддельными, поскольку были вырваны у меня насильно» [10]. Решаясь передать рукописи за рубеж, Б.Л. Пастернак осознавал, чем для него может грозить публикация романа в Италии раньше, чем в СССР. В ответном письме Фельтринелли он делился своими предчувствиями: «Если его (романа) публикация здесь, обещанная многими журналами, задержится и Вы ее опередите, ситуация будет для меня трагически трудной» [10]. Благодаря смелости автора роман стал достоянием западной общественности, вызвав острые литературоведческие и политические споры. О «Докторе Живаго» так или иначе высказались практически все литера-

турные критики середины XX в., слависты, филологи. Помимо этого в дискуссии приняли участие поэты, философы, представители компартии и профсоюзов. Благодаря бурному обсуждению романа на страницах иностранной прессы мы имеем бесценный материал с первыми попытками анализа романа «Доктор Живаго» западным читателем, современником писателя. В данной статье предпринята попытка проследить историю изучения произведения «Доктор Живаго» с момента его появления за рубежом в 1957 г. и до его выхода в свет уже в 1980-е гг. в СССР. В статье исследуется первая реакция западной общественности на роман и присуждение Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии. С этой целью в работе рассматриваются материалы итальянской и французской прессы 1950-х гг., которые содержат критику романа «Доктор Живаго». Также в статье исследуется критика романа в Советском Союзе в 1950-х гг. В связи с этим анализируются документы отдела культуры ЦК КПСС, касающиеся «Доктора Живаго», которые задавали тон последующей критике на страницах журналов. Появление романа на страницах журнала «Новый мир» в 1980-е гг. воскресило забытый интерес советской общественности к роману. В статье рассматриваются первые попытки анализа «Доктора Живаго» в Советском Союзе, не отягченные идеологическими установками. Вопросы, которые вновь волновали историков и филологов, во многом перекликаются с теми, которые уже были заданы зарубежными и советскими критиками еще в 1950-е гг., — отношение автора к историческим событиям. Можно ли считать «Доктор Живаго» автобиографическим романом? Каковы соотношения модернизма и реализма в романе? С этой целью в работе используются исследования отечественных авторов 1980 и 1990-х гг.

Первые документы культуры ЦК КПСС с упоминанием романа «Доктор Живаго» свидетельствуют о заинтересованности власти в разжигании враждебного отношения к писателю. Так, в записке отдела культуры ЦК КПСС «О некоторых вопросах современной литературы и о фактах неправильных настроений среди части писателей» шла речь о том, что в результате XX съезда ЦК КПСС «оживились и активизировались враждебные советскому строю элементы, пытающиеся дискредитировать социализм» [1. С. 73]. В качестве примера подобного «элемента» приводился Б.Л. Пастернак, который «сдал в журнал “Новый мир” и в Гослитиздат свой роман “Доктор Живаго”, переправив его одновременно в итальянское издательство» [1. С. 74]. Информация в записке не соответствовала действительности. Б.Л. Пастернак отдал в январе 1956 г. рукопись в редакции журналов «Новый мир» и «Знамя», и лишь спустя почти полгода, не получив ответа от редакций, он решился передать роман через журналиста С. Д'Анджело издателю Фельтринелли в Милан. Фельтринелли, оценив по достоинству роман, заключил договор с Пастернаком о публикации романа. В ноябре 1957 г. роман вышел в свет в Италии в итальянском переводе и на русском языке.

Благодаря публикации за рубежом роману «Доктор Живаго» посчастливилось отчасти избежать участи многих советских произведений, которые лишь с опозданием в несколько десятилетий стали достоянием общественности. Ю. Буртин в своей статье «Вам, из другого поколения», анализируя актуальность поэмы А.Т. Твардовского «По праву памяти» для современников уже другого поколения — 1980—1990-х гг., задается злободневными вопросами: «Тревожит ли она

умы и сердца читателей и какую роль должна была сыграть поэма, будучи опубликована в назначенное ей время — в конце 60-х годов?» [2. С. 191—202]. С одной стороны, роман «Доктор Живаго» избежал участи быть прочитанным позже на несколько десятков лет другим поколением, не утратив, быть может, своей злободневности, которую он приобрел, увидев свет именно в 1950-е гг. Все-таки роман был проштудирован зарубежными критиками, став настоящим откровением для иностранных читателей. С другой стороны, роман до 1987 г. не был опубликован в Советском Союзе, таким образом, большая часть советской общественности была лишена возможности прочитать и объективно оценить роман. Хотя отсутствие возможности ознакомиться с романом не помешало в 1950-е гг. осудить его за «злостную клевету на революцию и на всю нашу (советскую) жизнь». В результате «Доктор Живаго» получил ярлык «антисоветского произведения» [1. С. 69].

Советская критика ставила перед собой цель не оценить художественное достоинство романа «Доктор Живаго», а обличить неверные идеологические установки. Журналист Д. Заславский, один из наиболее активных участников кампании, не только подвергал роман огульной критике, но и предостерегал интеллигенцию от повторения ошибки писателя, который проявил чрезмерную самостоятельность и «поддался гнилому поветрию» оттепели [11. С. 45—46]. Предостережение было не лишним: критика сталинизма Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС в 1956 г. была интерпретирована советской интеллигенцией как ясный сигнал к либерализации. В это же время в Польше и Венгрии разгораются антисоветские восстания, которые, по мнению представителей партии, стали прямым результатом политики оттепели. Власть в данных условиях не могла оставаться безучастной и проигнорировать «нездоровые тенденции» в творческой среде. Поэтому критика произведения Пастернака и самого автора не стала проходным эпизодом, а превратилась в жестокую травлю писателя.

Иностранная пресса, более свободная от идеологических установок, нежели советская, стремилась объективно оценить роман, проникнуть в его суть. Если в СССР отнеслись к роману с явным неприятием, то в зарубежной прессе мы встречаем совершенно разные мнения о романе «Доктор Живаго»: восторженно хвалебные, осуждающие, сдержанные. Несмотря на обилие отзывов о романе «Доктор Живаго» и их пестроту, что делает практически невозможным их систематизацию, мы попробуем все-таки выделить основные тенденции, определяющие восприятие романа за рубежом. Прежде всего стоит отметить, что для многих итальянских критиков «Доктор Живаго» стал возрождением традиций романа XIX в. «“Доктор Живаго” — это роман XX века, который продолжает традицию русского романа XIX века по форме (Толстого, Чехова и их способа рассказать о жизни, но не Достоевского) и по содержанию (Толстого, Достоевского, но не Чехова)...» — делился своим мнением о романе итальянский писатель И. Кальвино [4. С. 177]. С другой стороны, зарубежные критики отмечали необычную композиционную структуру «Доктора Живаго», которая отличала его от шедевров романного жанра XIX в. Кальвино, например, объяснял необычную структуру тем, что своим творением Б.Л. Пастернак предвосхищает разрушение романа в XX в., и писатель в своей собственной манере, отличной от западной, пришел к

разрушению романной формы [4. С. 177]. Роман также активно сравнивали с творениями современных западных авторов. Итальянский писатель К. Кассало, сравнивая роман с творчеством западных писателей (Кафки, Камю, Манна, Хемингуэя, Мальро, Сартра), восторгается героями романа «Доктор Живаго», которые, несмотря на все испытания, выпавшие на их долю, не впадают в пессимизм в отличие от героев зарубежных писателей, которые склонны чересчур пессимистично воспринимать жизнь. «Живаго — это дрейфующий обломок, но он не потерял веру в жизнь, в любовь, в будущее человечества», — комментирует К. Кассало [4. С. 160].

Повышенный интерес на Западе к роману «Доктор Живаго» можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, для западной общественности роман стал совершенно новым явлением, не вписывающимся в рамки представлений о литературе социалистического реализма. Дж. Терра, журналист итальянской газеты «Иль Лавро», в своей статье «Доктор Живаго» подчеркивал свежесть и непохожесть «Доктора Живаго» на все последние романы из советской России: «Как мы уже писали в рецензии на роман Дудинцева, интересный, но, на наш взгляд, слишком прочно увязший в ложной проблематике положительных героев, если действительно “не хлебом единым жив человек”, то и советская литература теперь жива “не Дудинцевым единым”. Есть еще и Пастернак, этот советский Гамлет...» [4. С. 66]. Во-вторых, появление такого романа, не вписывающегося в рамки социалистического реализма, для иностранцев стало весточкой оттепели из СССР. На Западе период правления Н.С. Хрущева был связан, с одной стороны, с чередой оттепельных событий: разрядка международной напряженности, разоблачение преступлений Сталина, реабилитация пострадавших от политического террора. С другой стороны, происходили события, которые ничего общего с оттепелью не имели: вторжение советских войск в Венгрию в 1956 г. сразу после XX съезда ЦК КПСС, на котором прозвучала критика культа личности Сталина. Так, публикация романа «Доктор Живаго» за рубежом воспринималась как результат либеральной политики власти и в то же время последовавшая за этим травля Б.Л. Пастернака в глазах иностранцев стала доказательством крайней деспотичности и жестокости советского режима.

Критика романа «Доктор Живаго» и действий его автора в Советском Союзе достигает колоссальных размахов в 1958 г., когда советскому руководству стало известно, что Б.Л. Пастернак вместе с М.А. Шолоховым вошли в список претендентов на Нобелевскую премию по литературе. Советскими функционерами использовались различные меры с целью помешать присуждению премии Пастернаку. Например, в записке Отдела культуры ЦК КПСС от 5 апреля 1958 г. было предложено оказать давление на шведскую общественность «через близких к советской власти деятелей культуры, дать понять, что Пастернак, как литератор, не пользуется признанием у советских писателей и прогрессивных литераторов других стран» [1. С. 135]. В советской печати была развернута обширная кампания в поддержку кандидатуры М.А. Шолохова. Зарубежные газеты и журналы коммунистического толка также приняли участие в кампании. Так, в еженедельном итальянском издании «Иль Контемпоранео» марксистской направленности вышла статья К. Салинари, литературного критика и коммуниста, под названием

«Шолохов и Пастернак», где автор проводит критическое сравнение между двумя произведениями — «Тихим Доном» и «Доктором Живаго». Салинари в статье отдает предпочтение творению Шолохова, потому что искусство Пастернака кажется ему обращением назад, к прошлому [4. С. 96—97]. Документы ЦК КПСС свидетельствуют о том, что советские власти больше всего боялись, что из присуждения премии по литературе Б.Л. Пастернаку будет сделана «новая антисоветская сенсация, поводом к которой будут разговоры об отсутствии свободы творчества в Советском Союзе, о зажиме из политических соображений ряда писателей» [1. С. 138]. Стремясь предотвратить новый антисоветский выпад со стороны Запада, инициаторы кампании против Б.Л. Пастернака не заметили, как они сами же и превратили роман «Доктор Живаго» в политическое явление международного значения и обрекли руководство Страны Советов на всеобщее осуждение и потерю международного престижа.

Несмотря на угрозы со стороны советского руководства, Нобелевская премия была присуждена Б.Л. Пастернаку 23 октября 1958 г. «за выдающиеся заслуги в современной лирической поэзии и на традиционном поприще великой русской прозы». Секретарь Нобелевского комитета А. Эстерлинг и Б. Пастернак обменялись письмами, писатель сердечно благодарил за присуждение ему премии. Тем временем в Москве советское руководство, разозленное на представителей Нобелевской академии и Б.Л. Пастернака за неподобающую вольность, уже начало преследование писателя. На дачу к Пастернаку незамедлительно приезжает его друг писатель К. Федин, который потребовал немедленно отказаться от премии и предупредил, что если этого не произойдет, то завтра же начнется травля, на что Пастернак заявил, что его ничто не заставит отказаться от оказанной ему чести. Дальше с 28 октября по 6 ноября события развиваются молниеносно. Выходит ряд критических статей в советских изданиях с осуждением поступка Пастернака. Общественному осуждению подверглись действия самого писателя. Во-первых, Б.Л. Пастернак нарушил негласный закон, запрещавший советским литераторам печатать свои произведения за границей без санкции властей. Во-вторых, его «прегрешением» стало принятие Нобелевской премии, не согласованное с советским руководством. М.М. Голубков отмечает, что непристойная травля Пастернака, «как бы актуализировала в общественном сознании память о событиях 1929 года, когда те же обвинения в зарубежной публикации были предъявлены Б. Пильняку и Е. Замятину. Однако тон кампании против Пастернака был еще более оскорбителен, чем для его предшественников три десятилетия назад, а размах еще шире» [3. С. 229]. 28 октября 1958 г. состоялось собрание в Союзе Советских писателей «О действиях члена Союза писателей СССР Б.Л. Пастернака, несовместимых со званием советского писателя», на котором было принято единодушное решение об исключении Б.Л. Пастернака из Союза писателей. При знакомстве с текстом выступлений литературных деятелей поражает их оскорбительный тон. Писательница Г. Николаева, характеризуя действия Пастернака, называла его литературным власовцем и заявляла: «Для меня мало исключить его из Союза, — этот человек не должен жить на советской земле» [1. С. 158]. Дальше разворачивался «гнев человека массы», который во многом был спровоцирован идеологами власти. Человек массы, новый субъект истории, появление которого

в общественной жизни XX в. подробно рассматривает М.М. Голубков в своей работе «История русской литературной критики XX века», проявил себя в травле Б.Л. Пастернака в полную силу. Его пришествие было еще предсказано в начале XX столетия В.И. Лениным, А. Блоком и Д. Мережковским [3. С. 26]. Единодушный голос массы, одобряющий решение постановления Союза писателей о лишении Пастернака звания советского писателя, хлынул на страницы советской прессы. Характерным является высказывание аппаратчика Дорхимзавода т. Молокова, который заявил: «Когда я узнал из “Литературной газеты” об унижительном и мерзком поступке Пастернака, у меня не было слов, которыми бы я мог выразить возмущение... Это гнойник, а гнойники рвут с корнем» [1. С. 164]. Из этого короткого высказывания мы можем выделить несколько характерных черт массового человека: во-первых, он стремился выступить в качестве судьи, испытывал потребность решать, выносить приговор. Во-вторых, в силу определенной ограниченности им легко было манипулировать, в данном случае достаточно было одной статьи, чтобы побудить его вынести приговор писателю. Над Пастернаком нависла угроза высылки за рубеж. 6 ноября писатель был вынужден написать покаянное письмо, которое было опубликовано в газете «Правда». Текст письма был составлен совместно с заведующим Отделом культуры ЦК КПСС Д.А. Поликарповым и О. Ивинской, близкой подругой писателя. Письмо стало одним из свидетельств совершенного насилия над писателем: «...присуждение премии шаг политический, теперь приведший к чудовищным последствиям, я, по собственному побуждению, послал свой добровольный отказ», — напишет в письме Пастернак [6. С. 326—327].

Стоит отметить, что Пастернак не остался одинок в тяжелый для него период времени. В его поддержку активно выступали писатели со всего мира с просьбами остановить гонения и обеспечить ему свободную атмосферу для творчества (телеграмма из Лондона, подписанная Д. Хаксли, М. Боруа, Т. Элиотом, Б. Расселом, С. Моэмом и другими известными писателями, в поддержку Б.Л. Пастернака) [1. С. 169]. Дело Пастернака всколыхнуло западную общественность, при этом реакция в разных странах на развернувшийся процесс отличалась. Во Франции, например, по всей видимости, тяжелее осознавали деспотичность советского режима. Статьи французской газеты «Монд», где столкнулись две точки зрения на события, красноречиво свидетельствуют об этом. Было представлено мнение профессора и литературного критика Этиамбля, который считал, что в деле Пастернака вся вина лежит на плечах западной прессы [8. С. 359]. Выразителем другой точки зрения на события был сотрудник газеты «Монд» А. Пьер, который придерживался мнения, что это шведские академики бросили вызов советскому обществу, спровоцировав скандал вокруг Пастернака [8. С. 360]. Как мы видим, французская пресса была готова обвинить в развязывании травли Пастернака всех, кроме представителей советской власти.

Итальянская пресса отличалась большей свободой, на страницах газет и журналов за 1958 г. можно найти диаметрально разные точки зрения на присуждение Нобелевской премии Б.Л. Пастернаку. Статьи в поддержку писателя, авторы которых уверяют читателя в заслуженности этой награды и несомненном таланте Б.Л. Пастернака, перекликаются со статьями, которые содержат в себе мнение,

что слава и заслуги Пастернака сильно преувеличены. Итальянский писатель К. Кассало подвел итоги развернувшейся дискуссии среди интеллигенции по делу Пастернака в своей статье «Интеллигенция и “Дело Пастернака”» [4. С. 309—310]. В статье он называл травлю Пастернака серьезнейшим посягательством на свободное развитие культуры, против которого абсолютно справедливо и необходимо выступить самым решительным образом» [4. С. 309]. Подытоживая реакцию итальянской общественности на вручение Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии, обратимся к выводам К. Кассало, который справедливо заметил, что многие в Италии встретили роман с радостью и восторгом, которого уже много лет не вызывало ни одно современное литературное произведение, что свидетельствует о заслуженности получения Нобелевской премии Б.Л. Пастернаком [4. С. 310].

Функционерами советской власти травля Пастернака постепенно была прекращена, а «дело Пастернака» превратилось в папку с архивными документами, заботливо поставленную на полку в самый дальний угол и забытую на несколько десятилетий.

Появление романа «Доктор Живаго» на страницах журнала «Новый мир» в 1988 г. наряду с другими произведениями «возвращенной» литературы позволило начать открытое обсуждение забытого произведения «Доктор Живаго» уже в Советском Союзе. На страницы журналов хлынул поток публикаций, посвященных исследованиям как истории травли писателя и его романа, так и анализу содержания произведения. Исследователи творчества Б.Л. Пастернака стремились взглянуть на содержание романа по-новому и снова искали ответы на вопросы, поставленные советскими критиками во времена Н.С. Хрущева: «Волнуют ли писателя исторические события, которым он является свидетелем и которые описывает? Как автор относится к этим событиям?» Мнения исследователей и критиков, высказанные после публикации «Доктора Живаго», были весьма разнообразны и касались самых разных аспектов проблематики романа. Например, Д.С. Лихачёв полагал, что Пастернак, как и его герой, воспринимает исторические события как нечто независимое от воли человека, подобно явлениям природы [12. С. 177—178]. Д. Урнов в статье «Безумное превышение своих сил» утверждал, что Б.Л. Пастернак аполитичен, а его герой «пустой человек», что едва ли не возвращало роман в контекст публицистики 1958 г. [12. С. 225]. Думается, что и тогда ни критикам-публицистам, ни исследователям не удалось приблизиться к позиции автора. В конце 1980-х гг., как и тридцать лет назад, вне поля зрения критики оказалось то, что сам Борис Леонидович считал себя советским писателем, служащим советскому народу. Для него была немыслима высылка за рубеж, как и невозможно равнодушие по отношению к событиям, которые происходили в стране. Пастернак принял революцию 1917 г., разделяя взгляды А. Блока. Революция, по Блоку, — это преображение, метаморфоза, когда из недр старого мира рождается новый мир. Для Пастернака, как и для его героя, революция также мыслилась как очистительная сила, которая омоет и освободит общество от старых язв: «Какая великолепная хирургия! Взять и разом вырезать старые вонючие язвы!» [10. С. 214]. Но Пастернак преодолевает это иллюзорное восприятие революции, в чем, очевидно, сказывается и опыт самого автора. Если А. Блок верил, что хаос обломков старого мира рождает гармонию мира нового, то Б. Пастернак

увидел в революции разрушительную силу, порождающую лишь хаос и жестокость: «Доктор вспомнил недавно минувшую осень, расстрел мятежников, детоубийство и женоубийство Палых, кровавую колошматину и человекоубоину, которой не предвиделось конца. Изуверства белых и красных соперничали по жестокости, попеременно возрастая одно в ответ на другое, точно их перемножали. От крови тошнило, она подступала к горлу и бросалась в голову, ею заплывали глаза» [10. С. 401—402].

Кроме того, исследователи обратились к вопросам, которые остались вне поля зрения советских критиков, зато западными критиками еще в период правления Н.С. Хрущева были сделаны первые попытки на них ответить: «Можно ли роман “Доктор Живаго” считать автобиографическим романом? Каково соотношение в романе реалистических и модернистских традиций?» Во времена Хрущева на Западе было распространено мнение, что роман «Доктор Живаго» — это автобиография самого Пастернака. Однако, на наш взгляд, данная трактовка не совсем верна, потому что многие детали из автобиографии писателя не совпадают с судьбой героя. Мы согласимся с мнением Д.С. Лихачёва, который утверждает, что писатель скорее пишет о самом себе, но как о постороннем, он придумывает себе судьбу, в которой можно было бы наиболее полно раскрыть перед читателем свою внутреннюю жизнь [12. С. 170—171]. По мнению Н.Б. Ивановой, Пастернак в Живаго прожил другую жизнь, ту, которой бы ему не было стыдно, в которой он бы не каялся — полную добра, любви, страданий, унижений, бедности [5].

Обращаясь к вопросу сочетания реалистических и модернистских тенденций в романе, стоит отметить, что современные отечественные исследователи романа, как и зарубежные после выхода книги в Италии в 1950-х гг., отмечают несомненное взаимодействие этих двух начал в романе. В этом отношении интересна дискуссия о романе «Доктор Живаго», опубликованная на страницах журнала «Иль Понте» в 1958 г. [4. С. 153—189]. Заданные темы для обсуждения в рамках данной дискуссии звучали следующим образом: «“Доктор Живаго” и декаданс», «“Доктор Живаго” и русская традиция», «“Доктор Живаго” и советская литература» и т.д. В романе выделялись следующие типичные признаки декаданса: фрагментарность, обилие аллюзий, преувеличенные пласты сознания. Мы не будем вдаваться в подробности мнений, высказанных в ходе этой дискуссии, для нас важно отметить, что уже тогда в романе усматривали модернистские начала, пусть и облекая их в декадентские формы. Современные отечественные исследователи считают, что роман «Доктор Живаго» вобрал в себя черты символистской эстетики и может по праву называться поздним символистским романом [7].

Особый интерес Пастернака к творчеству Блока в период написания «Доктора Живаго» свидетельствовал о возрождении интереса писателя к символизму, «но не в том застывшем состоянии, из которого ушел Пастернак на рубеже 10—20-х годов, а к тому, что называл Пастернак “общевропейским символизмом” и связывал с именами Пруста, Рильке и Блока» [7]. Это подтверждается тем, что писатель сам говорил о том, что он буквально в мыслях о Блоке пишет свой роман: «Летом просили меня написать что-нибудь к блоковской годовщине. Мне очень хотелось написать о Блоке статью, и я подумал, что вот этот роман я пишу

вместо статьи о Блоке» [12. С. 123]. Кроме того, Пастернак полемизировал с блоковской концепцией революции, что нашло отражение на страницах романа «Доктор Живаго». «Доктор Живаго» можно назвать последним произведением, на страницах которого автор выразил концепцию революции, рожденную в спорах с блоковской концепцией. В то же время роман подводит итоги русского романа XIX в. с его уходящей поэзией «дворянских гнезд» и усадеб, красотой деревенской природы, об этом, в частности, пишет Н.Б. Иванова в своей статье «Искушение» [12. С. 193].

Проведенное исследование показало необходимость изучения событий, развернувшихся вокруг романа «Доктор Живаго» и его автора, в социально-политическом контексте изучаемого периода. Организованная в 1958 г. травля Пастернака стала отправным пунктом движения от оттепели к «заморозкам» и явилась свидетельством ужесточения политики в культурной сфере. Изучение документов, связанных с травлей Пастернака, показывает, что советская критика ставила перед собой цель не глубинного анализа произведения, а поисков в нем антисоветского содержания. Для обвинений автора используются отдельные фрагменты из произведения, вырванные опытными идеологами из художественного контекста романа. Несомненно, что руководство СССР сделало роман «Доктор Живаго» политическим явлением международного значения, а разгоревшаяся вокруг него полемика превратилась в одну из форм идеологического противостояния между Западом и СССР. Была ли критика содержания романа обоснована — хотя бы с точки зрения советской идеологии периода оттепели? В этом вопросе мы согласимся с Д. Фельтринелли, который в письме, направленном в Гослитиздат в 1957 г., писал: «Размышления протагониста и других персонажей романа о их личной судьбе и о судьбах их страны даны на таком высоком уровне, что выходят за пределы преходящей политической злободневности, вне зависимости от того, разделяет ли или нет читатель их взгляды и суждения о политических событиях. В этом спорная сторона произведения Пастернака. Но нам кажется, что удельный вес этих суждений в книге весьма незначителен, а после XX съезда оглашение некоторых фактов нас больше не волнует и не удивляет» [1. С. 79].

Публикация романа «Доктор Живаго» за рубежом стала настоящим событием для западного мира. Благодаря живому интересу многих западных интеллектуалов к творчеству Пастернака были подняты еще в хрущевское время важнейшие проблемы: проблема интеллектуальной свободы, индивидуализма и «антисоветскости» Пастернака, тема отношения Пастернака к русской литературной традиции, сравнение романа с официальной советской литературой (Пастернак — Шолохов), проблема правомерности политической оценки романа Пастернака. Несомненно, взгляд на роман «Доктор Живаго» западных критиков, более свободный от идеологического давления, преумножил знания о предмете. Стоит отметить, что если оценка романа советскими критиками была отягчена идеологическими установками, то западные интеллектуалы находились под влиянием «советского мифа» и «мифа о дореволюционной России». В Европе формирование «советского мифа» связано с революцией 1917 г., с победой во Второй мировой войне. СССР пред-

ставлял собой радикальную альтернативу, образец другого возможного мира, желаемого или же внушаемого страх. Что касается «мифа о дореволюционной России», то этот миф был связан с ушедшей культурой, ассоциирующейся с такими именами, как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов. Так, восприятие западными интеллектуалами «Доктора Живаго» стало во многом отражением этих двух мифов, слившихся воедино в одном произведении. С одной стороны, миф об утраченной России с ее христианством, а с другой стороны, это мир постоянных испытаний: революцией, гражданской войной. Один из главных, на наш взгляд, философских вопросов, который ставит перед собой автор романа, — это как среди этой «метели и вьюги» исторических испытаний не потерять себя, не слиться с человеческой массой, сохранить свою индивидуальность. Особую актуальность этот вопрос приобрел в период правления И.В. Сталина, когда атака государства на творческую свободу приобрела поистине колоссальный размах. В этих условиях «замыкание» литературы на самой себе стало прямым условием ее выживания, одним из средств защиты литературно-эстетических ценностей от вмешательства извне. По мнению Е.Б. Скороспеловой, появление фигуры художника как центра романной структуры не только было связано со стремлением решить внутриэстетические проблемы, но оказалось также формой защиты личности в эпоху «восстания масс» [11. С. 201—203]. Такой формой защиты для Б.Л. Пастернака стала фигура художника Живаго. С одной стороны, в судьбе героя преломляются исторические события, создавая ощущение причастности героя к внешнему миру, с другой стороны, Живаго в романном повествовании «несет как щепку в бушующем океане», он возносится над историческими событиями, замыкаясь в своем внутреннем мире.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] «А за мною шум погони...» Борис Пастернак и власть: Док., 1956—1972 гг. / под ред. В.Ю. Афиани, Н.Г. Томилиной; сост. Т.В. Домрачева и др. М.: РОССПЭН, 2001. 431 с.
- [2] Буртин Ю. «Вам, из другого поколения»: К публикации поэмы А. Твардовского «По праву памяти» // Октябрь. № 8. 1987. 191—202 с.
- [3] Голубков М.М. История русской литературной критики XX века (1920—1990-е гг.). М.: Академия, 2008. 366 с.
- [4] «Доктор Живаго»: Пастернак, 1958, Италия. Антология статей / составители: С. Гардзонио, А. Речча. М.: Река времен, 2012. 424 с.
- [5] Иванова Н.Б. Борис Пастернак. Времена жизни. М.: Время, 2007. 459 с.
- [6] Ивинская О.В. Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. М.: Либрис, 1992. 464 с.
- [7] Клинг О. Эволюция и «латентное» существование символизма после октября // Вопросы литературы. 1999. № 4.
- [8] От Бунина до Пастернака. Русская литература в зарубежном восприятии: к юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям: международная научная конференция, Москва, 16—19 ноября. 2009 г. М.: Русский путь, 2011. 413 с.
- [9] Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Биография. М.: Цитадель, 1997. 726 с.
- [10] Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: Детская литература, 2012. 606 с.
- [11] Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века: От А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М.: ТЕИС, 2003. 358 с.
- [12] С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Б. Пастернака. М.: Советский писатель, 1990. 296 с.

“SECOND BIRTH” NOVEL PASTERNAK “DOCTOR ZHIVAGO”: THIRTY YEARS AFTER THE THAW

E.P. Melnichuk

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, 1-51, Moscow, Russia, 119991

The article is devoted to the history of study of Boris Pasternak's novel "Doctor Zhivago" since its appearance abroad in 1957 and until its release in 1988 in the Soviet Union. The publication of the novel in Italy in the 50's caused thorny literary and political debates in the Western and the Soviet press. The study found that the main purpose of the Soviet critics was to convict the wrong ideological principles in the book instead of assessed the artistic value of the novel "Doctor Zhivago", while the foreign critics, less ideology-driven, tried to evaluate the novel objectively. Due to the high interest of Western intellectuals to the Pasternak's novel first attempts to sheds light on currently unexplored aspects of Pasternak's oeuvre has already made in the Khrushchev times. Research of Western critics combined issues devoted to the special topics: individualism and the Pasternak's Soviet ethos, the theme of intellectual freedom, the question of the legitimacy of a political assessment of novel Pasternak and other topics. A new stage in the discussion of the novel among Soviet theorists of literature began with the publication of the novel in the 80's in the Soviet Union. The article deals with the first attempts of analyze the "Doctor Zhivago" in the Soviet Union, not overburdened with ideology.

Key words: Pasternak, Doctor Zhivago, Khrushchev's Thaw, The Nobel Prize, the Pasternak affair, criticism, symbolist novel

REFERENCES

- [1] «A za mnoju shum pogoni...» Boris Pasternak i vlast': Dok., 1956—1972 [And after me the noise of the chase... Boris Pasternak and power: Doc.]. Pod red. [Edited by] V.U. Afiani, N.G. Tomilinoj; Sost. T.V. Domracheva i dr. M.: ROSSPEJN, 2001. 431 p.
- [2] Burtin U. «Vam, iz drugogo pokolen'ja»: K publikacii pojemy A. Tvardovskogo «Po pravu pamjati» [«You-all, from another generation»: To the publication of the Tvardovsky poem «By right of the memory»]. Oktjabr' [October]. № 8. 1987. Pp. 191—202.
- [3] Golubkov M.M. *Istorija russskoj literaturnoj kritiki XX veka* [The history of XXth century literary criticism] (1920—1990). M.: Akademija [Academy], 2008. 366 p.
- [4] «Doktor Zhivago» [Doctor Zhivago]: Pasternak, 1958, Italija. Antologija statej [Italy. Anthology of the articles]. Sostaviteli [Compilers]: S. Gardzonio, A. Rechchia. M.: Reka vremen [River times], 2012. 424 p.
- [5] Ivanova N.B. *Boris Pasternak. Vremena zhizni* [Boris Pasternak. Lifetimes]. M.: Vremja [Time], 2007. 459 p.
- [6] Ivinskaja O.V. *Gody s Borisom Pasternakom. V plenu vremeni* [Years with Boris Pasternak. In the grip of the time]. M.: Libris, 1992. 464 p.
- [7] Kling. O. Jevojlucija i «latentnoe» sushhestvovanie simvolizma posle oktjabrja [Evolution and “latent” existence of symbolism since October]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1999. № 4.
- [8] *Ot Bunina do Pasternaka. Russkaja literatura v zarubezhnom vosprijatii: k jubilejam prisuzhdenija Nobelevskoj premii russkim. pisateljam: mezhdunarodnaya nauchnaya konferencija, Moskva, 16—19 November* [From Bunin to Pasternak. Russian literature in the foreign perception: anniversaries of awarding Nobel Prize Russian writers: An international scientific conference, Moscow, 16—19 November]. 2009. M.: Russkiy put' [Russian path], 2011. 413 p.
- [9] Pasternak E.B. *Boris Pasternak. Biografija* [Boris Pasternak. Biography]. M.: Citadel, 1997. 726 p.

- [10] Pasternak B.L. Doktor Zhivago [Doctor Zhivago]. M.: Detskaya literatura [Children literature], 2012. 606 p.
- [11] Skorospelova E.B. *Russkaja proza XX veka: Ot A. Belogo ("Peterburg") do B. Pasternaka ("Doktor Zhivago")* [Russian prose of the XXth century: from A. Bely ("Petersburg") to B. Pasternak ("Doctor Zhivago")]. M.: TEIS, 2003. 358 p.
- [12] *Sraznyh toчек zrenija: "Doktor Zhivago" B. Pasternaka* [From the different points of view: "Doctor Zhivago" of B. Pasternak]. M.: Sovetskiy Pisatel' [Soviet writer], 1990. 296 p.